Арбатова Мария
Вел. Москва - 2002 - 23 нояб. - с 4. 23.11.02

Гражданский кодекс Марии АРБАТОВОЙ

ПРЕДОХРАНЯЮТСЯ ДВОЕ, НО АБОРТЫ ДЕЛАЮТ ЖЕНЩИНЫ

Диалог с идеологом феминизма в двух действиях с прологом, эпилогом и репликами в сторону

Светлана АВЕРБУХ

Широкие массы помнят ее по телешоу «Я сама». Но широкие массы не знают, что Арбатова — обладательница золотой медали Кембриджского библиографического центра «За вклад в культуру XX века» по номинации «драматургия», автор 14 пьес и 8 книг, участвовала в написании предвыборных президентских программ Бориса Ельцина и Эллы Памфиловой и... в третий раз собирается замуж.

Пролог

— Есть темы, на которые вы не можете рассуждать?

— Нет.

— А вопросы, на которые не хотите отвечать?

— Нет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. Клушей быть не желала

— Понимание разных ролей, связанных с полом, пришло ко мне рано. Еще в начальной школе я поняла, что умнее большинства мальчиков в классе, но не могла понять, почему за мои «умные» ответы мне ставили «три», а мальчику – «пять». Школа приветствовала девочек, вызубрившие учебник, и мальчиков, пытающихся думать самостоятельно. Мне все время объясняли, что я должна растить в себе жену, хозяйку, мать, печь, шить и варить; но мне совершенно не хотелось видеть себя в будущем в виде клуши, обладающей только этими умениями. Мне говорили: «Зачем ты идешь на философский факультет, будешь слишком умной, тебя никто замуж не возьмет». Тем не менее без всяких домоводческих навыков, которые пыталось навязать общество, я раньше всех вышла замуж, родила детей. И, что самое смешное, оказалась гораздо лучшей матерью и хозяйкой, чем девочки, которые всю жизнь репетировали, как печь пироги и пеленать младенца.

— Папа у вас был преподавателем марксистской философии, мама, судя по вашим высказываниям, тоже не выделялась из общей массы, почему же вы уродились «на других не похожей», даже в комсомол не вступили?

— Я не сказала бы, что у нас была обычная советская семья. За нами стояло мощное генеалогическое дерево, в котором было полно бунтарей и интеллектуалов. Увы, папа умер рано, мне тогда было 10 лет. А мама очень яркая, но социально не реализовавшаяся... Она – девочка с Арбата 22-го года рождения. У нее одного дядю расстреляли как польского шпиона, два дяди уехали строить государство Израиль. Она скрывала это всю молодость, иначе бы даже не могла вступить в комсомол. Да еще ее собственный папа – известный ученый-агроном – в 1925 году демонстративно вышел из партии в знак протеста против голода. Так что полжизни ждали, что за ним придут и отправят в лагерь. Мама, естественно, хотела видеть меня не высовывающейся. Из-за этого и была как раз наша главная война.

— И тем не менее вы были представительницей «золотой молодежи»?

— «Золотой молодежью» тогда называли либо детей номенклатуры, либо детей интеллигенции. Я принадлежала ко вторым, и хоть особых денег не было, было внутреннее право жить не так как все.

— Что значит «не так, как все»?

— Ну, мы были не так одеты. Когда хипповали на улице Горького, подъезжала «ментовка», и нас туда забрасывали, причем реально – за руки, за ноги. Они говорили: «Мы сделаем из вас людей», а мы отвечали: «Не сделаете». Мы росли на группе «Битлз», джинсах, буддизме, западной свободе личности.

— Мы – это кто?

— В своей книге «Прощание с XX веком» я довольно подробно описываю нашу хипповскую тусовку и могу сказать, что все, кто был в компании, сделали блестящую карьеру, потому что человек, не прошедший стадию нонконформизма, потом ни на что не годится.

— Но самая громкая карьера из всей компании, на мой взгляд, у вас.

— Карьера для меня – это принадлежность к профессиональной элите в сочетании. Поскольку я междисциплинарник, то всегда трудно понять, где именно у меня сделана «карьера» : в литературе, общественной жизни, области борьбы со стереотипами, светской жизни. Я просто иду по жизни, реализуя то одни, то другие способности и навыки.

— Что для вас важнее – писательство, психология, общественная деятельность?

— До 91 года я жила как бы в стол, то есть планировала жизнь в андеграунде, которую интересует только мнение ее референтной группы. Я существовала «в» и «для» этой группы, писала пьесы. После 91-го года люди моего типа побежали сразу по нескольким дорожкам, потому что у нас накопилась огромная нерастраченная энергия, которая наконец-то оказалась востребована. Я занимаюсь несколькими вещами не потому, что я несобранная, а потому, что мне необходимо и важно все.

— В одном из интервью вы сказали, что ваши эрогенные зоны реагируют только на успешных мужчин. Вы по-прежнему в этом уверены?

— Дело в том, что в моем поколении большинство мужчин не смогло пережить реформы. Видимо, потому, что мужчины хуже адаптируются к социальному шоку, как, впрочем, и всякому другому, чем женщины. И невозможно любить существо, если только оно не твой ребенок, старик или кошка-собака, вызывающее жалость. Я за равноправие полов, но в мужчине люблю мужское.

— В вашем поколении сломались многие мужчины, и жены их оставили, вы не считаете, что это жестоко?

— По отношению к кому? Большинство мужчин тогда перешло на содержание женщин. Я тоже через это прошла, мой муж-певец тоже растерялся и стал недееспособен. В тот период нельзя было одновременно оставаться творческой личностью и растить детей. Кто-то должен был поставить на себе крест, и этим «кто-то» оказалась я. Я стала зарабатывать деньги нетворческим способом: организовывала фестивали, писала статьи, вела какие-то вечера, брала интервью, хотя до этого была известным драматургом и у меня брали интервью... В общем, я поняла, что двоих детей прокормить смогу, а троих – то есть своих близнецов и мужа – нет. Мы развелись, этим я дала ему шанс, теперь у него все прекрасно, он благополучно работает солистом, а дети ходят на его концерты.

— Зачем вы растрачиваете себя на тусовки?

— Я делаю это добровольно, и потом, что значит – растрачиваю? Я профессионально существую как писатель, психолог, общественный (хотя это идеология, а не профессия) и светский деятель. И это совершенно нормально. Более того, будь вы из европейской газеты, вы даже не задавали бы мне такого вопроса.

— Создается впечатление, что вы только и делаете, что выпускаете птиц на волю, дегустируете новый сорт сыра. Вам платят за это?

— Светская жизнь ни для кого ни источник дохода, она просто веселый ритуал для жизни определенной среды. А зарабатываю я ровно столько, сколько мне нужно, чтобы жить так, как мне удобно, и не больше.

— Вы тусуетесь для того, чтобы вас не забыли?

— Если бы мне было нужно все время напоминать о себе, то я пошла бы вести какую-нибудь хреновую передачу, тратила бы от силы два дня в месяц на запись, а анонсы с моей мордой крутили бы каждый день по телевизору. Просто есть определенная стилистика жизни, которая у меня была и в застой. Только тогда моей тусовкой был буфет ЦДЛа, Дома актеров, журналистов. Сейчас все это разрушено, но люди должны же где-то встречаться, пить чай или водку и ощущать себя представителями определенной культурной общности.

— А как же кухня?

— Кухня тоже имеет значение. Я хорошо готовлю сама и люблю хорошие рестораны.

— Нет, я про другую кухню. Ту, на которой можно посидеть, поговорить за жизнь.

— Такую кухню я ненавижу. Когда в 15 лет я стала хозяйкой 50 метров в коммуналке на Старом Арбате, для меня кухня означала что-то такое жалобное, маргинальное. Меня всегда убивал советский эстетический ряд: убогая кухня, где едят магазинные пельмени и пьют водку из граненых стаканов. Именно поэтому мои комнаты называлась не «флет», не квартира, а «салон Маши с Арбата». Девочки ходили в длинных юбках, мальчики курили с мундштуками, читали стихи и обсуждали запрещенные книги. Кстати, коммуналка когда-то принадлежала Лике Мизиновой, а я жила в той самой гостиной, в которой Чехов пытался Лику совратить.

РЕПЛИКА В СТОРОНУ. ТУСОВОЧНАЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. Гайдару нужно было набить морду

— Вы к феминизму пришли после развода?

— В Декларации прав человека есть статья, в которой написано, что ни один человек не может быть дискриминирован по своей расовой, половой или религиозной принадлежности. Там, где есть дискриминация женщин по половой принадлежности, появляются феминистки. При чем здесь мой развод? Феминизм произрастает из желания женщин полностью реализовать свой потенциал – творческий, социальный, гражданский, сексуальный.

— Значит, ваш феминизм – протест против дискриминации?

— Во всем мире феминизм – это протест против половой дискриминации. По международным стандартам, дискриминированной является та группа населения, интересы которой не представлены в высших эшелонах власти. У нас сейчас в исполнительной власти 1% женщин, в законодательной – 7%, в судебной – 1,5%. Если вы посмотрите на цифры Госкомстата, то увидите, что только 8% частной собственности принадлежит женщинам, а все остальное – угадайте, кому?

— А вы не допускаете, что женщины просто проигрывают мужчинам в деловой хватке, компетентности, логике, уме, наконец?

— То, что вы сказали, по международным стандартам, квалифицируется как шовинизм, половой фашизм. Подставьте вместо слова «женщины» – негры, евреи, инвалиды, и вы сами это услышите. Вы вспомните, как делили собственность. 70% нынешнего бизнеса – это бывшая номенклатура, которая конвертировала свое кресло в частную собственность. А женщин в номенклатуре не было. Да и сейчас – посмотрите на рынок труда – самая непрестижная, низкооплачиваемая, грязная и тяжелая работа сегодня на женщинах.

— Не уверена. Практически все 30-летние женщин из моей, как вы говорите, референтной группы, активно делают карьеру и занимают далеко не последнее место на рынке труда. Конечно, приходится преодолевать мужской шовинизм начальников вашего и более старших поколений, которые считают женщину глупее себя. Но скоро им на смену придут другие мужчины, которые больше, чем половую принадлежность, ценят профессионализм.

— Вы говорите – мужчины, а почему не женщины? Ваша референтная группа просто еще не сталкивалась с эффектом «стеклянного потолка», когда до определенного предела женщину не дискриминируют, а потом она пытается пройти наверх, а ее не пускают. Например, в Швеции есть министерство равноправия, перед которым раз в полгода отчитываются все фирмы, где работают больше 6 человек. Там средняя зарплата мужчины не может быть больше средней зарплаты женщины. И если вы и мужчина претендуете на вакансию, а после собеседования взяли на работу мужчину, вы можете подать жалобу, соберется комиссия министерства и будет разбираться, кто из вас профессиональнее. И если выяснится, что вы, то фирма заплатит такой штраф, что ей мало не покажется.

— А если взяли на работу меня, мужчина может подать жалобу, чтобы министерство выяснило, кто компетентнее?

— Конечно.

— За что еще борются российские феминистки?

— Надо подготовить и принять закон о реальных алиментах. Сегодня только 12% мужчин платят алименты, и то с видимой части зарплаты. Остальные не платят, и получается, что государство защищает мужчину от ребенка и бывшей жены. Еще одна проблема – защита женщин от сексуального и бытового насилия. Вы знаете, сколько ежегодно погибает женщин от домашнего насилия?

— Сколько?

— 12—14 тысяч. А, к примеру, в Афганистане мы потеряли 17 тысяч солдат и офицеров, но... за 10 лет. Ну и последний вопрос, который нужно решить, – это контрацепция, она должна стать частью общегосударственной политики, потому что до сих пор среднестатистическая россиянка делает 8 абортов в год. Когда мы решим эти проблемы, пойдем дальше.

— Все-таки мне кажется, что проблема контрацепции – это проблема двоих, а вы перекладываете ответственность только на женщин.

— Конечно, это проблема двоих. Но аборты делают женщины.

— Два года назад вы баллотировались в Госдуму и не прошли. Не значит ли это, что женщинам-избирательницам абсолютно все равно, кто будет отстаивать их интересы – мужчина или женщина?

Во-первых, это была очень грязная и сложная избирательная кампания: мне угрожали, члену моего штаба пробили голову, на плакатах писали, что я одновременно лесбиянка, мать пятерых детей, тринадцать раз замужем и проститутка. Во-вторых, у меня было ровно в 40 раз меньше денег, чем у конкурента. В-третьих, меня элементарно сдало руководство СПС. Я сказала своему второму мужу, Олегу Витте, который работал в их штабе, что если бы я была мужиком, то набила бы Гайдару морду.

— А муж?

— А он – нет. Для него это были очередные выборы, для меня – единственные.. Мы по-разному оценили эту историю и в основном из-за этого разошлись.

— Из-за того, что он не набил морду?

— Из-за того, что у него не было позиции по очень простым и понятным вещам.

— Вы будете еще баллотироваться?

— Нет, хотя за последние месяцы мне только коммунисты не предложили идти на выборы, ведь у меня был лучший результат по Москве среди правых и среди женщин. Денег у олигархов и бандитов я не возьму. Да и нет команды, с которой я хотела бы идти в большую политику. Я с 1996 года руковожу клубом «женщин, вмешивающихся в политику», с помощью которого пытаюсь растолковать всем женщинам, что не надо ждать, когда придет какой-то дядя и защитит тебя, твоих детей. Пора перестать быть домохозяйкой, а становиться гражданкой своей страны.

— Вы с презрением относитесь к домохозяйкам?

— Нет, просто я, как и все психологи, знаю, что ее члены семьи – глубоко несчастные люди, потому что домохозяйки – это всегда источник комплексов, неврозов и тревожности в семье.

— По-моему, у работающих женщин тоже полно комплексов. Ей кажется, что она плохая мать, плохая жена, ничего не успевает и так далее.

— Женщина, живущая в третьем тысячелетии, не может развиваться, сидя дома. Оставьте успешную женщину на неделю без работы – она с ума сойдет.

РЕПЛИКА В СТОРОНУ. Материнская

— Вашим сыновьям сейчас по 25 лет. Вы помогаете им материально?

— Да. Дело в том, что один мой сын пишет диссертацию, а другой делает креативные проекты. Кроме того, они занимаются музыкой. Я не хочу, чтобы они, как многие их сверстники, торговали автомобилями, работали в желтой прессе. Я хочу дать им возможность развить свой потенциал. И потом, они сами тоже зарабатывают.

— Довольно удобно искать себя, свое место в жизни, когда тебя кто-то обеспечивает. Один из ваших сыновей женат, его жена учится, работает?

— Удобно. Именно поэтому лучше родиться у заботливых родителей, а не у бомжей. Моя невестка, умница и красавица, заканчивает психфак, немного работает, и ее родители тоже ей помогают. Это – специфика интеллигентных семей. Я же не мою полы, чтобы их содержать. Я занимаюсь тем, чем все равно бы занималась. Но я считаю логичным помочь Пете спокойно написать диссертацию, а Паше писать музыку, пока не приносящую денег, чем купить модную сумку по цене автомобиля или поехать среди года на Канары. Могу сказать, что мои дети – безумно талантливые и безумно образованные молодые люди, если надо, они всегда смогут себе заработать на жизнь.

«Мои дети — безумно талантливые и безумно образованные молодые люди»

Эпилог

— Сейчас уже поздний вечер, вы придете домой и...

— Сяду за компьютер – работать.

— А ужин приготовить, мужа накормить?

— В данную минуту человек, который будет моим третьим мужем, находится в 8 часах лету отсюда. Но если бы он был дома и пришел раньше меня, то ужин естественно, приготовил бы он.

— Таких женщин мужчины называют стервами.

— Меня стервой никто не называл. Мои мужья считают меня очень цивилизованным человеком, другом, партнершей, любовницей. Сейчас женщина в качестве кухонной машины нужна все меньше и меньше, потому что покидать посуду в посудомойку, нажать кнопки на стиральной машине или микроволновке сможет, кажется, даже моя кошка. А мужья у меня все-таки – полноценные мужчины.

— Ваша открытость в личной жизни – это эпатаж или так поступают настоящие феминистки?

— Что вы понимаете под открытостью?

— Вы не скрываете, сколько у вас было мужей, любовников...

— Да сколько у меня было мужей! Всего-то два мужа пока... Это не засекречено. А количество любовников я скрываю, поверьте. Сейчас даже скрываю, за кого собираюсь выходить замуж.

— Он сопоставим с вами по известности, материальному положению?

— Это трудный вопрос. Сейчас он живет в провинциальном российском городке, где возглавляет кафедру психологии, и скоро станет профессором. То есть, по меркам своего социума, – да, он не уступает мне ни в чем.

— А по меркам Москвы?

— Здесь он тоже получил достаточное количество предложений, которые в его среде очень ценятся.

— Благодаря вам?

— Помилуйте! У меня не было ни одного мужа, карьерой которого я бы занималась. Напротив, первый открыл для меня большую музыку, второй – большую политику.